

Прежде чем она успевает заметить его, он молча распускает стражу в палатке, намереваясь побыть с ней наедине хотя бы некоторое время.

"Когда ты закончишь, я заведу более веселую песню, чем эта", - хрипло произносит он, и она быстро поворачивается к нему лицом.

На ее лице отразилось счастье, почти чужое, он никогда раньше не вызывал такого восторга. Она быстро поднимается и идет ему навстречу, останавливаясь в двух шагах от него.

"Я так рада, что вы благополучно вернулись", - искренне говорит она ему. "Мой брат сказал мне вчера, что вы уже возвращаетесь, но я не ожидала, что вы придете так скоро".

"Да, небольшой отряд выехал вперед, чтобы сообщить о нашем прибытии", - признается он, - "Я только что прибыл, чтобы доложить вашему брату".

Он сбросил доспехи, но остался в той же одежде, несомненно, воняющей потом, кровью и пылью. Ему следовало бы сначала привести себя в порядок, прежде чем идти сюда, но вот уже две недели он жаждал увидеть ее, жаждал улыбки, которую она подарит ему по возвращении.

Уже не в первый раз он проклинает себя за то, что был очарованным дураком.

Она осматривает его, словно ища что-то, и он видит, как ее взгляд останавливается на его руке и боку, где кровь запятнала его тунуку. "Ты ранен?" - тихо спрашивает она, делая еще один шаг.

"Всего пара царапин", - признается он, - "Не о чем беспокоиться".

Пару царапин, нанесенных чересчур усердными знаменосцами Ланнистеров, жаждущими получить награду, которую сука-мать Джоффри возложила на его голову. Чтобы избежать дальнейших попыток, ему придется переплавить собачий шлем, чтобы сделать из него что-то менее заметное на поле боя. Он уже почти сыт по горло людьми, которые кричат ему "Тернкоут" и "Крэйвен", пытаясь оседлать его.

"Я буду судить об этом, - говорит она ему, - я не позволю пренебрегать обращением с моим клятвенным щитом. Подними свою тунуку и дай мне посмотреть".

Он смеется над тем, что она ему приказывает, и качает головой, но все равно подчиняется. Сначала он показывает ей руку, а затем частично приподнимает тунуку, чтобы она могла видеть его бок. Она стягивает бинты и прикладывает руку к ранам, тщательно их осматривая, и он испытывает чувство гордости от того, что она так уверена в своей работе.

За время его отсутствия она выросла, стала более уверенной в себе.

"Раны чистые и хорошо перевязаны, они уже заживают". Но если бы я зашила рану на вашем боку, она зажила бы быстрее, и риск заражения был бы меньше".

"Тебе что, мало людей, на которых можно поупражняться в вышивании?" - ворчит он, но отказывать ей не собирается.

"Сначала иди, приведи себя в порядок и переоденься", - говорит она ему, не терпящим возражений тоном.

"Что-нибудь еще, миледи?" - бормочет он себе под нос, но ему приходится с трудом подавлять улыбку, когда он сравнивает ее с той девушкой, которой она была раньше, слишком напуганной, чтобы даже взглянуть ему в лицо.

Поэтому он выполняет ее приказ и находит себе свежую одежду, а затем направляется в баню, чтобы смыть с кожи двухнедельную пыль и пот. Он оставляет бинты ей, чтобы она распутала их, поскольку знает о целительстве достаточно, чтобы понять, что так будет лучше.

Он возвращается к ней вымытый и чистый, его волосы все еще влажные, они свисают на лицо, наполовину скрывая обожженную сторону, и он желает...

"Ну вот, уже намного презентабельнее". Санса поддразнивает его, сияя, и на мгновение он забывает, что никогда не будет по-настоящему презентабельным.

Пока его не было, она занималась своими делами, раскладывая инструменты на маленьком столике. Иголка, нитки, кипяченое вино - его маленькая птичка выучила новую песенку для щебетания.

Она жестом приглашает его сесть на свободный поддон, а сама садится рядом с ним, сохраняя между ними осторожную дистанцию.

"Подними тунику", - велит она ему так чопорно, и он повинует, но тут же бунтует, полностью снимая тунику и отбрасывая ее в сторону.

Она смотрит на него широко раскрытыми глазами, затем отводит взгляд и мило краснеет.

"Что? Никогда не видела мужскую грудь, пока зашивала ее?" - бросает он ей вызов. "Готов поспорить, что смотреть на нее не тяжелее, чем на мое лицо. Если вы думаете, что я буду сидеть здесь, придерживая свою проклятую тунику, пока вы не торопитесь накладывать швы, то вы глупы".

Она прикусила губу, но повернулась к нему лицом, опустив глаза от его лица, щеки все еще красные. Сначала она снимает повязку с его руки, снова очищает рану и перевязывает ее. Ее пальцы легки и проворны, и он не может вспомнить...

"Теперь ты будешь петь, птичка, чтобы отвлечь меня, пока ты шьешь", - прошептал он, и она наконец подняла на него взгляд глубоких голубых глаз и кивнула, одарив его крошечной застенчивой улыбкой.

Она начинает петь, разматывая бинты вокруг его туловища, какую-то песню о рыцарях и прекрасных девах, и он позволяет себе расслабиться, наблюдая за ее работой.

Рана болит, когда она очищает ее, как и швы, но, не считая пары ворчаний, он хорошо переносит это и сосредотачивается на ее пении, ее чистый голос омывает его. Она заканчивает раньше, чем он успевает это понять, - слишком быстро, - шепчет часть его души, пока она накладывает свежие бинты.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/114878/4454281>